

**Овсяннико-Куликовский Дмитрий
Николаевич**

Вопросы психологии творчества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич О.**
Вопросы психологии творчества / Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 305 с.

ISBN 978-5-521-25994-6

ISBN 978-5-521-25994-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

очевидно, находится въ тѣснѣйшей связи съ изслѣдованіемъ и опредѣленіемъ *художественнаго достоинства* его произведеній, *тироты* созданныхъ имъ *типовъ*, глубины и силы его поэтическихъ созерцаній. Иначе говоря, изученіе общечеловѣческой стороны въ творествѣ великихъ поэтовъ совпадаетъ съ задачами *высшей эстетической (художественной) критики*.

Но возможна еще одна точка зрѣнія, опредѣляемая понятіемъ *задачъ психологіи художественнаго творчества какъ особаго вида работы мысли*.

Вотъ именно на нижеслѣдующихъ страницахъ я и попытаюсь стать на эту точку зрѣнія и приложить вытекающія изъ нея пріемы къ нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина. Но сперва необходимо выяснитъ принципиальное отличіе ея отъ остальныхъ трехъ, равно какъ и ея права на самостоятельное руководительство въ дѣлѣ изученія великихъ поэтовъ-художниковъ.

Ея принципиальное отличіе отъ историко-литературной не требуетъ долгихъ разъясненій. Историкъ литературы можетъ совсѣмъ и не интересоваться *психологіей* творчества; для него, при современномъ состояніи историческихъ методовъ, достаточно и своего спеціального дѣла—изслѣдованія дѣятельности поэта во времени и пространствѣ, ея исторической культурной обстановки и т. д.; внесеніе сюда экскурсовъ въ психологію творчества могло бы безъ нужды осложнить и запутать и безъ того сложную и трудную задачу историка. Но историко-литературное изученіе, само не нуждаясь въ психологическихъ изслѣдованіяхъ природы поэтического творчества, является необходимымъ основаніемъ для этихъ изслѣдованій. Психологія творчества въ своихъ изысканіяхъ должна опираться на историко-литературное изученіе писателя, на его біографію, научно разработанную и освѣщенную широкимъ историческимъ воззрѣніемъ.

Изученіе *національной* стороны въ творествѣ поэтовъ ближайшимъ образомъ соприкасается съ вопросами психологіи творчества и можетъ даже совпадать съ ними, по

крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ. Но и тутъ есть важное принципиальное различіе. Исследователь національной стороны въ твореніяхъ поэта имѣетъ въ виду прежде всего охарактеризовать эту сторону, выяснить черты «національной фیزیономіи» поэта, опредѣлить, что именно должно быть признано специфически-нѣмецкимъ у Гете, англійскимъ у Шекспира, французскимъ у В. Гюго и т. д. Національность есть сложное психическое явленіе, состоящее изъ множества чертъ, крупныхъ и мелкихъ, важныхъ и неважныхъ: необходимо выяснить, какія изъ нихъ и въ какой формѣ по преимуществу выразились въ произведеніяхъ изучаемаго писателя. Вниманіе исследователя обращено здѣсь главнымъ образомъ на отношенія поэта къ его націи,—оно направлено больше въ сторону этой послѣдней и сравнительно меньше въ сторону индивидуальности поэта. Напротивъ того, изученіе *психологій* творчества по преимуществу направляется на личность самого поэта. Здѣсь настоящий объектъ изслѣдованія это — гениальная голова поэта, какъ лабораторія творчества. Національный элементъ обращаетъ на себя вниманіе исследователя, какъ одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ этой «лабораторіи».

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма близко подходитъ точка зрѣнія психологій творчества къ изученію великихъ поэтовъ со стороны общечеловѣческаго значенія и художественнаго достоинства ихъ произведеній. Но и здѣсь усматривается принципиальное отличіе. Исследователь общечеловѣческой и художественной стороны въ созданіяхъ поэта задается преимущественно вопросами, *что* далъ поэтъ человечеству и *какую художественную цѣнность* представляетъ этотъ даръ,—между тѣмъ какъ для психолога важнѣйшій вопросъ, это *какъ, какими путями, какими движеніями мысли* поэтъ создалъ то, что создалъ; *какія задачи онъ ставилъ себѣ, и какъ рѣшилъ ихъ для себя самого*. Первый исследователь смотритъ въ направленіи человечества и, если можно такъ выразиться, представляетъ *его* интересы,—второй изслѣдователь (психологъ) и здѣсь смотритъ въ сторону лич-

ности поэта и старается войти въ его внутренній міръ, постичь тайну его мысли.

Изученіе психологіи творчества принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ проблемъ психологіи. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе современныхъ научныхъ принциповъ и методовъ изслѣдованія въ этой области. Мы не пишемъ главу изъ психологіи творчества, — мы только дѣлаемъ попытку подойти къ гению Пушкина *съ этой стороны*. Для нашей цѣли особенно важенъ вопросъ о *гениальности* Пушкина. Вотъ именно этотъ вопросъ мы и постараемся освѣтить при помощи одной идеи, которую мы признаемъ въ высокой степени плодотворной въ психологіи, и которой въ особенности подобаетъ руководящая роль въ изслѣдованіяхъ по психологіи творчества. Это — та самая идея, которую въ приложеніи къ изслѣдованіямъ по физикѣ развиваетъ гениальный *Маръ* въ извѣстной статьѣ «Die ökonomische Natur der physikalischen Forschung».

Принципъ *экономіи умственного труда* прилагается къ искусству вообще и къ поэзіи въ частности во всемъ объемѣ и во всемъ значеніи его.

Художественное творчество есть *теоретическая* (т. е. не прикладная) *умственная дѣятельность* и естественно классифицируется вмѣстѣ съ другими видами таковой же умственной дѣятельности — съ научной и философской. Главнѣйшій признакъ работы мысли этого типа (т. е. теоретической), какъ высшей, философской, научной и художественной, такъ и низшей, напр. образованіе элементарныхъ понятій, состоитъ въ томъ, что она преимущественно направляется отъ частнаго къ общему, отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго къ типичному. Вотъ именно это движеніе и подводится подъ понятіе *экономіи мысли, сбереженія умственной энергіи*. Все общее и обобщающее, все отвлеченное, начиная отъ элементарныхъ понятій и кончая высшими обобщеніями науки (законы) и философіи (принципы и идеи философскихъ системъ), *экономизируетъ* умственную силу, не позволяя ей растрачиваться

по частямъ въ безплодной погонѣ за конкретнымъ, за индивидуальнымъ; всякій обобщающій процессъ мысли и его результатъ, *понятіе, законъ, принципъ*, упорядочиваютъ разнообразіе впечатлѣній, группируя, классифицируя ихъ и подводя подъ общія нормы. Владѣя этими общими нормами, мысль человѣческая развиваетъ огромную познавательную силу. Поэтому обобщающіе процессы мысли могутъ быть по праву названы *аккумуляторами умственной энергіи*, центральными источниками силы умственного свѣта, откуда лучи мысли свѣтятъ въ разныя стороны. Геній мысли отличается отъ не-генія прежде всего тѣмъ, что онъ — отличный аккумуляторъ умственной энергіи, сберегающій и накаплиющій огромную силу мысли, между тѣмъ какъ умъ обыкновенный сберегаетъ и накапливаетъ ее сравнительно немного. Во всемірной исторіи, на различныхъ пунктахъ пространства и времени, размѣщены эти колоссальные аккумуляторы умственной силы, извѣстные подъ разными именами: Гераклитъ, Демокритъ, Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Коперникъ, Галилей, Леонардо-да-Винчи, Ньютонъ, Лейбницъ, Кантъ, Гегель, Контъ, Дарвинъ, Гельмгольцъ, Пастеръ и т. д. и т. д. Великіе художники вообще и поэты въ частности суть такіе же аккумуляторы: они создаютъ *художественныя обобщенія, типичные образы*, — своего рода очаги умственного свѣта, откуда лучи мысли распространяются на огромные районы фактовъ дѣйствительности.

Геніальные художники это—тѣ, которые создали наибольшее широкіе *художественныя типы, идеалы или модели имѣющія значеніе общечеловѣческое*.

Говоря такъ, т. е. выдвигая на первый планъ созданіе *типовъ*, я пока устраниаю *лирику* и принимаю въ соображеніе исключительно искусство *образное*. Я это дѣлаю только для удобства изложенія. О лирикѣ мы скажемъ особо въ концѣ этого этюда, и мы увидимъ, что и въ лирическомъ творествѣ есть элементы, сберегающіе энергію и, стало быть, психологически равносильные типамъ въ искусствахъ образныхъ.

Проводимая здѣсь точка зрѣнія въ концѣ концовъ сводится къ анализу и ближайшему опредѣленію *ума* и *характера* поэта, ихъ относительной глубины и силы, ихъ правъ на титулъ гениальности.

II.

Если бы, положимъ, до насъ не дошли сочиненія Пушкина, и мы знали бы только его *письма*, то и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы достаточно оснований предположить, что человекъ, писавшій эти письма, обладалъ головой гениальной. Мы находимъ здѣсь слѣды и результаты неустанной, можно сказать, кипучей работы мысли и видимъ, какъ эта мысль богатырски овладѣваетъ сложными, темными и по тому времени новыми вопросами, какъ она беретъ ихъ съ бою, прокладываетъ новые пути, сразу находитъ правильную постановку задачи и даетъ поразительное, по вѣрности, простотѣ и точности, рѣшеніе ся. Мы видимъ умъ, который не теряется въ подробностяхъ, не отвлекается въ сторону отъ главной цѣли, умѣетъ сразу поймать зерно вопроса, овладѣть существомъ дѣла. Иначе говоря: это умъ, необыкновенно приспособленный къ образованію *правильныхъ новыхъ понятій* о вещахъ спорныхъ, еще не изслѣдованныхъ, составляющихъ еще задачу, подлежащую рѣшенію ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь будетъ у мѣста привести слѣдующія слова *А. Н. Пыпина*: «За этотъ періодъ опалы (1820—1826 г.г.) сложились уже и основные литературные взгляды Пушкина, и важно отмѣтить ихъ... потому что, независимо отъ самихъ произведеній Пушкина, эти взгляды составляли историческій фактъ. Не всегда они были въ свое время высказаны въ печати; большею частью они стали извѣстны уже позднѣе, даже только къ нашему времени, когда собрана почти вся переписка Пушкина; но если они—въ томъ составѣ, какъ мы знаемъ ихъ теперь—не имѣли непосредственнаго дѣйствія въ свое время, то въ ближайшемъ кругу были извѣстны и во всякомъ случаѣ составляютъ фактъ историческаго сознанія, важный для объясненія его дальнѣйшаго развитія. Въ этихъ взглядахъ Пушкина найдется многое, что устанавливаетъ впоследствии критика *Буллинскаго* («Исторія Русской Литературы», т. IV, стр. 351).

Два-три примѣра, хотя они и общеизвѣстны, будутъ здѣсь не лишними.

Въ 1825 г. Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву излагаетъ свое сужденіе о «Горѣ отъ ума», составившееся у него на основаніи перваго впечатлѣнія:

«Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ достоинъ ¹⁾. *Вотъ что мнѣ комъ успѣло я замѣтить. Драматическая писателя должно судить по законамъ, а не самимъ надъ собою признаннымъ.* Стѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни прилицій Грибоѣдова. *Цѣль его — характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны.* Софья начертана не ясно... Молчалинъ не довольно рѣзко подтъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ больномъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. *Les propos du bal*, смѣтны, рассказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый,—вотъ черты истинно-комическаго генія.—*Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное действующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ.* А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человекомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напичкающийся его мыслями, остроуміями и сатирическими замѣчаніями. *Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говорятъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскаго бабуркама? Молчалику? Это непростительно: первый признакъ умнаго человека—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ*

¹⁾ Это, очевидно, было 11 янв. 1825 г., когда опального поэта навѣстили въ Михайловскомъ его другъ И. И. Пущинъ, который говорить объ этомъ въ своей извѣстной «Запискѣ» слѣд.: «Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этою, тогда рукописною, комедіей, до того ему вовсе почти не знакомою. Послѣ обѣда, за чашкою кофею, онъ началъ читать ее вслухъ, но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя, впрочемъ, потомъ частью явились въ печати».—(«Записка И. И. Пущина о Пушкинѣ» въ книгѣ *Л. И. Майкова «Пушкинъ»* (1899), стр. 81).

иметь дѣло, и не метать бисеръ передъ Ренетидовыми и тому под. Кстанн, что такое Ренетидовъ? Въ немъ два, три, десять характеристикъ. Зачемъ дѣлать его такимъ? Довольно того, что онъ встретилъ и дѣлъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобы онъ признавался поминутно въ своей дурачности, а не въ мерзостяхъ... Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна—и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не заготовилъ—его воля.—О стихахъ я не говорю,—половина должна войти въ пословицу».

Надо помнить, что это было написано еще тогда, когда знаменитая комедія Грибоѣдова была, такъ сказать, *неизвѣстной* художественной величиною, когда она даже не была напечатана. Надо также имѣть въ виду, что это—первое впечатлѣніе, освѣвшее послѣ того, какъ Пушкинъ впервые прослушалъ чтеніе пьесы (и при томъ—не съ надлежащимъ вниманіемъ). Дальше онъ говоритъ: «Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ немъ ошибся. *Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться».*

Здѣсь мы ясно видимъ слѣдующее.

Слушая чтеніе пьесы, Пушкинъ сразу оріентировался въ ней, сразу разобралъ, что это за произведеніе, въ чемъ главная суть дѣла («характеры и рѣзкая картина нравовъ»), выдѣлить главные лица, уловить и цѣлое, и детали. Всѣ эти наскоро схваченныя (какъ бы «проглоченныя») впечатлѣнія отложились въ умѣ Пушкина, если можно такъ выразиться, не въ сыромъ видѣ, а сразу же получили извѣстную переработку, освѣщеніе, квалификацію. Эта переработка была сдѣлана *безсознательно*,—фактъ, имѣющій для насъ, въ данномъ случаѣ, большую важность. Всякій психологъ скажетъ намъ, что слова Пушкина: «я не критиковалъ»... «эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ»... должны быть понимаемы такъ, что онъ только *не создавалъ* тогда той критической работы, какую вызывали въ его умѣ полу-

ченныя впечатлѣнія; а потомъ, когда онъ все это писалъ Бестужеву, онъ только *вспомнилъ эту безсознательную критическую работу* и изложилъ ее результаты.

Кстати, припомнимъ здѣсь одно мѣсто въ «Аннѣ Карениной», относящееся къ психологiи ума художника: «Онъ (художникъ Михайловъ) подходилъ быстрыми шагами къ двери своей студii, и, несмотря на его волненiе, мягкое освѣщенiе фигуры Анны, стоявшей въ тѣни подъѣзда и слушающей горячо говорившаго ей что-то Голеницева и въ то же время очевидно желавшей оглядѣть подходящаго художника, поразило его. *Онъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ, идя къ нимъ, схватилъ и проглотилъ это впечатлѣнiе и спряталъ его куда-то, откуда онъ вынетъ его, когда понадобится*» («Анна Каренина», т. II, ч. V, гл. X).

Художникъ Михайловъ «спряталъ» проглоченное впечатлѣнiе не сырьемъ, а въ уже квалифицированномъ, переработанномъ видѣ, потому что онъ раньше получалъ подобныя впечатлѣнiя и сохранялъ ихъ въ запасѣ: къ нимъ-то онъ пристроилъ и новое. Говоря психологическимъ терминомъ, онъ его *апперцепировалъ* прежними, аналогичными новымъ, т. е. классифицировалъ его, т. е. уже на-половину объяснилъ, разработалъ, понялъ. Все это произошло моментально и безсознательно въ такъ называемой *безсознательной сферѣ мысли*.

Вотъ такъ и Пушкинъ въ данномъ случаѣ: онъ «проглотилъ» впечатлѣнiя отъ «Горя отъ ума», «спряталъ» ихъ въ видѣ безсознательной апперцепцiи, и когда потомъ ему понадобилось ихъ «вынуть» оттуда,—они оказались уже переработанными, осмысленными и вылились въ форму критическаго взгляда на знаменитую комедiю Грибоѣдова.

Этотъ взглядъ и по сю пору остается, если не во всѣхъ деталяхъ, то въ общемъ и главномъ самымъ правильнымъ, самымъ удачнымъ,—не превзойденнымъ всѣмъ, что потомъ было писано о «Горѣ отъ ума».

Указанное здѣсь значенiе безсознательной сферы находится въ зависимости отъ ея содержательности, отъ обилiя

и качества сохраняющагося въ ней матеріала. Этотъ матеріалъ или, скажемъ, запасъ умственной силы составляется изъ постоянно-притекающихъ впечатлѣній, изъ наблюдений, изъ результатовъ размышленій о видѣнномъ, слышанномъ, прочитанномъ, пережитомъ,—изъ всѣхъ «ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ». Значительная часть этого матеріала поступаетъ «въ запасъ» безсознательной сферы послѣ болѣе или менѣе интенсивной культуры его въ сознании,—тогда сфера безсознательная получаетъ не только фактъ, но и выводъ, не только образъ, но и его истолкованіе, — она получаетъ уже готовые обобщенія и идеи. Великіе умы это—тѣ, которые хранятъ въ безсознательной сферѣ много «про запасъ лежащихъ» идей, прошедшихъ сперва черезъ сознаніе ¹⁾.

Для характеристики сознательной мысли Пушкина важно извѣстное письмо къ Раевскому, гдѣ поэтъ, занятый тогда работою надъ «Борисомъ Годуновымъ» (1825 г.), излагаетъ свои теоретическія воззрѣнія на трагедію вообще.

«Сочиняя ея (трагедію «Борисъ Годуновъ»), я думалъ о трагедіи вообще: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ... Правдоподобіе положеній и истина разговоровъ—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ—трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигши только одинъ характеръ ²⁾... И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты своего собственнаго характера! Одному далъ свою гордость, другому—свою ненависть, третьему—меланхолію и пр., и такимъ-то образомъ изъ одного характера — полнаго, мрачнаго и энергичнаго —

¹⁾ «Друзья Пушкина рассказываютъ, что ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія не пропадали для него на чужую жизнь. Такъ не пропадали для него и всѣ богатства русской рѣчи, слышанной имъ въ теченіе его бурной и разнообразной жизни во всѣхъ сферахъ, отъ царскихъ чертоговъ до крестьянской избы». (А. Н. Пыпинъ, *Исторія русской литературы*, т. IV, стр. 386).

²⁾ Свой собственный.

создать множество характеров ничтожных. Это вовсе ужъ не трагедія... Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ онъ ~~найдетъ~~ языкъ, соотвѣтствующій его характеру».

Насколько этого рода мысли и вообще вопросъ о трагедіи, ея «законахъ», ея техника и пр. занимали Пушкина, какъ много и долго онъ размышлялъ на эту тему,—показываетъ другое письмо къ Раевскому (1829 г.), гдѣ Пушкинъ между прочимъ повторяетъ нѣкоторыя мѣста изъ письма 1825 года.

Эти размышленія, эти почти изслѣдованія относятся къ 1825—1829 годамъ. Въ 1825 году Пушкинъ писалъ «Бориса Годунова»: теорія и практика совпадали по времени,—оттуда, помимо того, что драматическій геній Пушкина тогда еще не вполне созрѣлъ, легко объясняются нѣкоторыя несовершенства перваго драматическаго опыта Пушкина. Сознательная работа мысли, возбужденная преимущественно изученіемъ Шекспира, еще не успѣла завершить своего цикла и передать всѣхъ своихъ результатовъ сферѣ безсознательной. Но часть ихъ, конечно, уже была передана туда, и вотъ, именно сознание или ощущеніе этой передачи и продиктовало извѣстныя слова, которыми оканчивается письмо къ Раевскому 1825 г.: «я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулася—я могу творить». Эти слова относятся специально къ работѣ надъ «Борисомъ Годуновымъ». Имъ непосредственно предшествуетъ слѣдующее: «я *пишу и думаю*. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда же дохожу до сцены, требующей *воплощенія*, то выжидаю или пере-скакиваю черезъ нее. *Это способъ работы для меня совершенно новый*».

Для психолога эти строки драгоцѣнны. Сознательная работа мысли еще не успѣла во всѣхъ своихъ результатахъ перейти въ сферу безсознательную, гдѣ настоящій очагъ творчества. Оттуда—преобладаніе «разсужденія», т. е. созна-